

Экспертный отзыв о проекте закона Украины
“ПРО МОВИ В УКРАЇНІ”, внесённом народными депутатами Украины
Е. Кушнарёвым и А. Ефремовым 7 сентября 2010 г.
(Крымский политический диалог 2010. – Москва, 2011. – С. 203 –208)

В преамбуле законопроекта, в разделе 1, а также в «Пояснительной записке» к нему охарактеризованы новые социально-политические условия в Украине (и Европе), потребовавшие разработки и принятия нового закона о языках, а также подробно изложены основные принципы использования языков в Украине. Сказанным выше объясняется избранный в нашем отзыве принцип и порядок анализа содержания рецензируемого документа – по разделам, с цитированием фрагментов отдельных статей и необходимыми комментариями к ним.

Законопроект состоит из преамбулы, 11 разделов и 33 статей.

В разделе 1 «Общие положения» (ст. 1 – 9) определены ключевые термины (ст. 1), цели и задачи законодательства Украины о языках (ст. 2); декларировано право граждан Украины на языковую самоидентификацию (ст. 3); намечены основы украинского языкового законодательства и определена роль Конституции Украины как базовой правовой основы в данной сфере (ст. 4); заявлены цели и принципы государственной языковой политики (ст. 5); определен социальный статус украинского и русского языков (ст. 6 – 7) и др.

В ст. 1 обращает на себя внимание смешение терминологии разных сфер знаний – социологии и социальной лингвистики: *языковая группа, языковое меньшинство, региональная языковая группа, территория, на которой распространён региональный язык* – термины социологии; *региональный язык* – термин социолингвистики. Кроме того, здесь отсутствуют такие ключевые термины, как *государственный язык, официальный язык, миноритарный язык, язык межнационального общения, исчезающий язык, суржик* и др. Особенно важна дифференциация первых двух терминов – *государственный язык* и *официальный язык*, т.к. они имеют одинаковый объём понятия (выполняют наиболее важные функции в государственной и общественной жизни) и потому часто правомерно используются как синонимы. Однако они различаются правовым статусом: *государственный язык*, наряду с гербом, флагом и гимном, является в Украине символом государственности.

Особое положение среди ключевых терминов социолингвистики занимает термин *родной язык* (ст. 3), понятийное содержание которого интерпретируется неверно: «*язык, на котором человек думает*». Приведённая дефиниция содержательно неясна, что позволяет использовать этот термин в целях политических спекуляций.

Следовало бы наконец объяснить разницу, если она есть, между понятиями *язык меньшинства* и *региональный язык*, потому что даже в Хартии они не разграничиваются достаточно чётко: «...термин *региональные языки или языки меньшинств* означает языки, которые: i) традиционно используются на данной территории государства жителями этого государства, представляющими собой группу, численно меньшую, чем остальное население государства, и ii) отличаются от официального языка (языков) этого государства...» [Хартия, часть 1, ст. 1]. Эта же неясность остается и в рецензируемом законопроекте: ст. 8 называется «*Регіональні мови України або мови меншин України*». Если эти термины имеют разное понятийное содержание, то следует писать не *или (або)*, а *и (і, й, та)*: союз *или (або)* имеет грамматическое значение исключения. Имеется и другое

значение союза *или* – как ‘то есть’ (значение идентификация). Эта неясность в семантизации союза *или*, думается, связана с неточным переводом данной конструкции с английского языка.

Ст. 7 специально посвящена русскому языку и украинско-русской двуязычности. При этом авторы законопроекта молчаливо исходят из того, что русский язык является одним из региональных языков Украины: «...сприяння використанню російської, **інших регіональних мов** або мов меншин» (ст. 5, п. 3); «...для осіб, які здобували повну загальну середню освіту **російською, іншою регіональною мовою...**» (ст. 21, п. 9) и т.п. (Ср. аналогичную формулировку в ст. 10 действующей Конституции Украины: «В Украине гарантируется свободное развитие, использование и защита **русского, других языков национальных меньшинств** Украины».)

Русский язык действительно занимает особое положение среди других языков Украины (не считая украинского, как государственного языка): он является наиболее функционально активным языком для всех жителей Украины независимо от их национальной принадлежности; языком межнационального общения, что зафиксировано в действующем законе «О языках в Украинской ССР» (см. Преамбулу, ст. 4 и др.); рабочим и официальным языком ООН. Из сказанного следует, что русский язык должен иметь иной статус, нежели язык национального меньшинства. Об этом же говорится в отчете комитета экспертов Совета Европы о выполнении Хартии Украиной, представленном 27 ноября 2008 г. (п. 58, 79 и др.). В то же время комитет экспертов заявляет, что определение статуса языка является **вопросом внутренней политики Украины**.

Думается, выход из этого положения состоит в том, чтобы придать русскому языку в Украине статус **официального языка**, для чего следует внести поправку в соответствующую статью Конституции Украины. (См. выше о необходимости разграничения понятий *государственный язык* и *официальный язык*.)

Содержание разделов II (Мова роботи органів державної влади, органів місцевого самоврядування, судочинства, економічної і соціальної діяльності), III (Мова освіти, науки, інформатики і культури) может быть принято с учётом высказанных выше соображений и замечаний.

В ст. 25, п. 3 раздела IV (Мова у сфері інформації і зв'язку) не аргументировано процентное соотношение вещания на телевидении разными языками: почему на украинском языке – 60%, на русском – 20%? И что значит «... іншими регіональними мовами мають відповідати чисельності регіональних мовних груп і **визначаються самими мовниками**»?

Особого внимания заслуживает раздел V (Мови назв), которое регулирует написание собственных имён разного типа (прежде всего – топонимов и антропонимов) в официальных документах. Предложено два способа передачи собственных имён с украинского языка на региональные – транслитерация (передача буквенного облика названия, имени) и транскрипция (передача звукового состава имени). На первый взгляд, такой поход к решению проблемы представляется правомочным и гибким. Однако здесь потребны некоторые уточнения. Например в ст. 28, п. 1 написано: «У межах території, на якій поширена регіональна мова, що відповідає умовам частини третьої статті 8 цього Закону, поруч із топонімом державною мовою відтворюється його відповідник цією регіональною мовою. У разі потреби наводиться латиноалфавітний відповідник (транслітерація) топоніму, поданого державною мовою». Возникает вопрос: как быть с регионами, в которых будет функционировать несколько региональных языков?

Неясной по содержанию является формулировка: «Регіональними та іншими мовами імена громадян України подаються **відповідно до встановлених нормативів** (ст. 28, п. 2). Что это за нормативы?

Содержание данной статьи 28 может спровоцировать и конфликтные ситуации, о чём см. ниже – во фрагменте данной экспертизы, посвящённом крымскотатарскому языку как одному из миноритарных языков Украины.

В разделе VIII (Виконання закону України “Про мови в Україні”) перечислены органы власти разного уровня, отвечающие за выполнение настоящего закона о языках. Думается, что в данный перечень следует добавить Государственный комитет по делам национальностей и религий Украины, который сегодня отвечает за имплементацию Украиной положений Хартии.

Содержание разделов X (Прикінцеві положення) и XI (Перехідні положення) может быть принято в целом с учётом высказанных выше соображений и замечаний. Однако в перечне законов Украины, в которые следует внести изменения (раздел XI), отсутствуют конституции Украины и АРК. Возможно, именно в этих основных законах должно быть отражено изменение статуса русского (см. выше) и крымскотатарского (см. ниже) языков.

Как специалист в области русской и крымскотатарской филологии, занимающийся в течение последних двадцати лет проблемами возрождения крымскотатарского языка и видящий их «изнутри», считаю необходимым в настоящем экспертном отзыве отдельно остановиться на **крымскотатарском языке как объекте нового закона о языках в Украине**.

Из 13 национальных меньшинств, языки которых Украина обязалась защищать и способствовать их развитию в рамках «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств», только крымские татары подверглись тотальной депортации (1944 г.) и почти полвека насильственно удерживались в местах ссылки. В течение этого времени несколько поколений крымских татар не имели возможности изучать родной язык в учебных заведениях; к этому прибавилось увеличение количества смешанных браков, в которых общение и воспитание детей велось преимущественно на русском языке. Указанные факторы нанесли огромный ущерб всей системе крымскотатарского языка.

В соответствии с параметрами оценки состояния языка, разработанными ЮНЕСКО (передача языка от поколения к поколению; абсолютное число говорящих; отношение числа говорящих на данном языке к общей численности этнической группы; изменение сфер использования языка; учебные материалы и уровень грамотности на данном языке и др.), крымскотатарский язык сегодня считается языком, находящимся в опасности, входит в список исчезающих языков. Проведённые мною социолингвистические исследования свидетельствуют о том, что для крымских татар характерно асимметричное двуязычие с преобладанием русской составляющей, а для значительного количества детей и людей молодого и среднего возраста – одноязычие (русский язык).

Из сказанного выше следует, что крымскотатарский язык не следует ставить в один ряд с языками других национальных меньшинств. В этой связи рассмотрим некоторые положения рецензируемого законопроекта в их проекции на крымскотатарский язык.

Согласно ст. 8, п. 4, численность региональной языковой группы на определённой территории определяется на основе данных Всеукраинской переписи населения. В переписных листах Всеукраинской переписи населения 2001 г. в графе «Ваші мовні ознаки» требовалось ответить на вопрос «рідна мова» – без всяких комментариев к нему. Естественно, что «простому» человеку без помощи переписчиков правильно ответить на этот вопрос было трудно. К тому же, как известно, переписчиков не инструктировали по этому и другим вопросам анкеты.

В новом переписном листе, подготовленной для предстоящей в декабре 2011 г. Всеукраинской переписи населения, в указанной графе имеется комментарий: **Ваша рідна мова** (*перша мова, засвоєна Вами вдома у ранньому дитинстві*). Однако в социолингвистике существует ещё одно значение данного термина: *родной язык* – это язык самоидентификации

с этносом. Для крымских татар, желающих возродить свою национальную культуру, базой которой является язык, это очень важный момент. Только с учётом данного определения можно адекватно исчислить количественный состав региональной языковой группы. Следовательно, будущих переписчиков накануне предстоящей переписи необходимо инструктировать. От этого, как видим, будет зависеть определение социального статуса языка.

Следующим важным для крымских татар вопросом является возрождение традиционной топонимии – названий городов, сёл, гор, рек, водоёмов и прочих природных урочищ, которые после депортации народа были директивным порядком переименованы. Вопрос этот поднимается крымскотатарской общественностью с конца 80-х годов, однако власть безмолвствует. Особая трудность здесь заключается в том, что некоторые современные топонимы совершенно не совпадают с традиционными крымскотатарскими (*Евпатория – Кезлев, Феодосия – Кефе, Белогорск – Къарасубазар*), а другие переведены с крымскотатарского на русский язык (и соответственно на украинский) способом калькирования, т.е. буквального перевода частей наименования (*Аю-Даг – Медведь-гора, Демирджи – Кузнец-гора*). Как же в этих случаях будет выполняться требование ст. 28, п. 1: «...поруч із топонімом державною мовою відтворюється його відповідник цією регіональною мовою», – тем более когда на данной территории будут функционировать два региональных языка – крымскотатарский и русский? .

И наконец, самый важный, судьбоносный для крымских татар вопрос, – это воспитание и образование на родном языке на всех ступенях образовательной системы: детские сады, средние и высшие учебные заведения. Думается, что для возрождения и дальнейшего развития крымскотатарского языка с учётом всех его названных выше особенностей (язык, находящийся под угрозой исчезновения; язык репрессированного народа, подвергшийся лингвоциду, т.е. поставленный в условия, при которых сузились все социальные сферы его функционирования и распалась его стилистическая система; язык коренного народа; язык, носители которого не имеют своей государственности вне территории её исторического формирования и их современного проживания; язык народа, занимающего по численности третье место в АРК) существует два пути: 1) придать ему статус **официального языка** АРК и / или 2) добиваться официального утверждения крымскотатарского языка в статусе **регионального языка**. Это позволит преподавать его в обязательном порядке во всех звеньях образовательной системы АРК, как это было до депортации крымскотатарского народа. Решение этого вопроса – в компетенции ВР АРК и Украины.

Следует ещё раз обратить внимание на то, что в настоящем экспертном отзыве предлагается придать статус официальных языков одновременно двум языкам – русскому и крымскотатарскому. Разумеется, коммуникативные возможности и культурная престижность русского языка выше, чем у крымскотатарского, как языка, находящегося в опасности. Поэтому речь идёт в первом случае (для русского языка) о статусе официального языка в рамках коммуникативного пространства всей Украины, во втором (для крымскотатарского языка) – в рамках АРК.

Думается, высказанные выше оценочные соображения и предложения будут способствовать гармонизации межнациональных отношений в Украине, в том числе в Крыму, и, следовательно, укреплению нашего общего – украинского – дома.

Эмирова Адиле – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, заслуженный работник образования и науки Автономной Республики Крым.

25 октября 2010 г.